

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-1-99-110>

Эонотопос юродства

О. А. Туминская

Государственный Русский музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
olgmorgun@yandex.ru

Для цитирования:

Туминская О. А. Эонотопос юродства // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 1. С. 99–110. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-1-99-110>

Аннотация. В статье исследуется вопрос о взаимосвязях между активностью городских блаженных и структурой городского пространства. Ходившие по улицам древнерусских городов, совершающие ежедневные обходы сакральных мест, кочующие по особенно значимым местам средневекового полиса, молящиеся в храмах и церквях, служившие молитвы у природных святынь, творящие похабские спектакли «на миру», разыгрывающие простолюдинов на торговых площадях и богатых в их дворцах, направляющие людскую боль в русло смирения и успокоения, – именно они, юродивые Христа ради, являлись камертоном совести, моральными маяками общего жизненного устоя православной Руси. Житийная литература и народные предания сохранили упоминания о тех местах, которые юродивые посещали особенно часто, где могли жить и молиться, где произошли знаковые встречи, где пророчествовали и смирялись, где упокоились. Эти топосы вошли в организм города и обозначены в исторической памяти как сакральные пространства, заключающие в себе сильную молитвенную составляющую. Зачастую при сложении иконографического типа святого юродивого эти архитектурно-ландшафтные локусы становились символами святого и сопутствовали его атрибуции. Особенно актуальна эта проблема для формирования иконописного канона местнотимых юродивых. В статье ставится вопрос о признании отдельных городских пространств эонотопосами, топографической иконой визионерства. Особое внимание уделено новгородским святым, совершавшим подвиг юродства, – Николаю Кочанову, Феодору Новгородскому, Михаилу Клопскому, Арсению Новгородскому. Память о сакральных топосах как местах вечности сохраняется в народной памяти до настоящего времени и служит основой для формирования локальной идентичности и её репрезентации в иконографии.

Ключевые слова: эонотопос, визионерство, юродивый Христа ради, икона юродивого, похабы, иеротопия, средневековый город, тавматургия места.

Eonotopos of foolishness

Olga A. Tuminskaya

The State Russian Museum

St. Petersburg, Russian Federation

olgmorgun@yandex.ru

For citation:

Tuminskaya O. A. Eonotopos of foolishness. *Journal of Visual Theology*. 2022. Vol. 4. 1. Pp. 99–110. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-1-99-110>

Abstract. The article is devoted to the relations between the urban blessed and the structure of the urban space. Walking on the streets of ancient Russian cities, making daily rounds of sacred places, wandering through especially significant places of the medieval polis, praying in temples and churches, serving prayers at natural shrines, creating obscene performances, playing the role of commoners in shops and of the rich in palaces, directing human pain into the channel of humility and calmness, – it was them, the fools for Christ's sake, who were the tuning fork of conscience, the moral beacons of the common life of Orthodox Russia. Hagiographic literature and folk legends have preserved references to those places that the fools visited especially often, where they could live and pray, where significant meetings took place, where they prophesied and humbled themselves, where they rested. This topos has entered the body of the city and is designated in historical memory as sacred space containing a strong prayer component. Often, with the addition of the iconographic type of the holy fool, these architectural and landscape loci became symbols of the saint and accompanied his attribution. This problem is especially relevant for the formation of the iconographic canon of locally venerated fools. The author raises the question of recognizing individual urban spaces as eonotopos, a topographical icon of visionary art. Special attention is paid to the Novgorod saints who performed the deed of foolishness – Nikolai Kochanov, Theodore of Novgorod, Mikhail Klopsky, Arseny of Novgorod. The memory of sacred topos as places of eternity has been preserved in people's memory to the present day and serves as the basis for the formation of local identity and its representation in iconography.

Keywords: eonotopos, visionary, the fool for Christ's sake, the icon of the fool, 'pokhaby', hierotopy, medieval city, thaumaturgy of the place.

Введение

Юродство – одна из форм христианского подвижничества, особенно характерная для Восточной церкви. В XV–XVI веках юродивые, или «похабы», появились в русских городах – Новгороде, Устюге, Ростове – по причинам эндогенным, характерным именно для русской религиозно-культурной ситуации [Иванов 1994, 142]. Традиция почитания юродивых Христа ради на Русской земле восходит к первым спискам переводного жития Андрея Юродивого Цареградского, которые через страны Юго-Восточной Европы попали на Русь уже в XI–XII веках. Появляются русские переводы и различные устные варианты пересказа биогра-

фии этого почитаемого святого. Подвиг юродства попал на подготовленную почву: единичные случаи воспроизведения византийского образца на Руси известны уже в XI столетии, например, Киево-Печерский затворник Исаакий. Однако русская святость именно «Христа ради» займёт своё место в культурно-религиозном пространстве лишь в конце XIV – середине XV вв. в образе прославленных святых Николая Кочанова, Феодора Новгородского (оба † 1392), затем – Максима Блаженного Московского († 1433). И хотя житие Прокопия Устюжского называет нам датой его смерти 1303 год, мы всё же решимся принять более позднюю дату кончины и судить о коммеморации жития Прокопия Христа ради юродивого, устюжского чудотворца (начало местного празднования с 1458 г.) как о примере устоявшегося почитания такого вида святости только после некоторых официальных мер, предпринятых епархиальным начальством в середине XV в. [Голубинский 1881].

Указанный временной разрыв с XI по XIV вв. имеет свое объяснение. Юродство, как агрессивная форма протеста против несправедливых устоев общества, не имела мотива в первые века принятия христианства на Руси и борьбы с монгольским нашествием. В ту эпоху, когда Русь уже твёрдо обозначила свои границы и выработала приемлемую для себя форму правления, возникла оппозиция официальной власти в виде богоугодных глашатаев правды, названных юродивыми.

На Новгородской земле прославились юродством Михаил Клопский, Николай Кочанов, Феодор Новгородский, Иаков Боровичский, Арсений Новгородский. В житиях мы находим сведения об их пребывании в Новгороде или близ него. Современное состояние памятников архитектуры и природных особенностей Новгорода позволяет лишь с некоторой долей условности воссоздать образ этого древнерусского города и выявить физические и культурные условия для проявления подвига юродства на его территории. И всё же зададимся вопросом: какова связь архитектурного ландшафта с исполнением духовного трудничества.

Сакральное пространство древнерусского города

Двуединство юродства онтологично: поругание миру и моление Богу, оскорбление и заступничество, грязь человеческого порока и чистота Божественного преображения. Антиномично взаимоотношение блаженного с церковью и храмовым пространством как символом Божественной благодати. Церковь благословила юродивого на такой вид подвижничества, значит, имманентная связь с ним сохранена. В повседневности служения юродивый постоянно подчёркивает своё пренебрежение к церковным устоям, и в то же время он нераздельно связан с храмом.

Юродивые Христа ради избирали для своего подвига большие города. Так было и в Византии, откуда Руси стал известен этот вид христианского подвижничества, и в древнерусском государстве. Среди самых влиятельных экономических и политических центров Древней Руси был Великий Новгород. Здесь отстаивало независимость боярство, кипели торговые страсти, церковная власть стремилась к «владычеству». Городская общественность была готова к вспышкам жарких споров, доходивших до кровопролитных схваток на Волховском мосту. Фигура юро-

дивого не была лишней на этом фоне. С одной стороны, поведение юродивого вписывалось в общий контекст бурной повседневной жизни древнего новгородца, с другой стороны, оно взрывало общественные взгляды. Лишь имея высокий культурный уровень (стремление к обсуждению правовых, общественно-политических, религиозных вопросов, грамотность населения, наличие собственной архитектурно-живописной школы), жители Новгорода могли принять необычное, вызывающее, парадоксальное и, на первый взгляд, алогичное поведение юродивого.

Ил. 1. Св. Михаил Клопский с житием. XIX в.

Источник: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=4671

В течение непродолжительного времени (чуть более двухсот лет) в Новгороде подвизались пять подвижников в исполнении этого подвига. По сведению Г. К. Краснянского [Краснянский 1895, 44–48], это Николай Кочанов († 1392), Феодор Новгородский († 1395), Иаков Боровичский († 1440), Михаил Клопский († 1456), Арсений Новгородский († 1570). И после своего успения юродивые остаются в пространстве того города, в котором они подвизались: «святой праведный Николай Кочанов опочивает в церкви мученика Пантелеимона, мощи под спудом; святая праведная Иулиания, мать Николая Кочанова, почивает в часовне близ

церкви апостола Иакова, мощи под спудом; святой праведный Феодор Блаженный опочивает в часовне подле церкви мученика Георгия, мощи под спудом; преподобный Михаил опочивает в Клопском монастыре, мощи под спудом; Арсений Новгородский – мощи в церкви Рождества Богородицы Антониева монастыря» [Ковалевский 1991, 19].

Новгород – русский город эпохи Средневековья, который несёт на себе отпечаток Нового Иерусалима. Семантика расположения соборов связана с образом креста и этим отражает главные богословские представления людей о граде Небесном. И если Михаил Клопский (ил. 1), как правило, не покидал стен своей обители, то остальные юродивые исполняли подвиг блажения на улицах Новгорода. Похабы избирали самые людные места. Важна была близость «маршрута» юродивого к храмовой территории. В Новгороде обилие соборов представляло большую свободу для передвижения юродивого: он всегда находился в эпицентре бытовых событий и никогда не покидал освящённые места, не уходил далеко от храмов.

Служение Николая проходило на улицах Софийской стороны за пределами детинца. Среди многочисленных городских церквей выбор мог пасть на церковь Николая, как тезоименного святого, на Яковлевой улице (1135–1136) и церковь Иакова на Яковлевой улице (1172–1175, 1226). «Направление Яковлевой улицы установлено по Николо-Кочановской церкви, кладбищу у Яковлевской церкви, а также упоминанию в писцовой книге участков размером 13 и 8 сажен, “припущенного к церкви Егорью Страстотерпцу”, и размером 12,5 и 12 сажен, который отошёл под церковную меру “Пантолимона святого”. Улица имела двустороннюю застройку и была одной из самых протяжённых в Неревском конце» [Кушнир 1982, 42]. Летопись под 1172 г. сообщает о постройке каменной церкви Якова в Неревском конце [Орлов 1965, 96].

Новгород являлся столицей удельного княжества, которое претендовало на титул великой земли [Лебедев 1995, 155]. По круговой схеме строились многие древнерусские города, и центр древнего Новгорода в плане также вписан в круг. Протоиерей Лев Лебедев [Лебедев 1995, 292] определяет градостроительную композицию Новгорода фигурой «крест», объясняя это тем, что в нём главным собором является Святая София. Очерчивая фигуру креста, протоиерей Л. Лебедев указывает на основные храмы: святой Софии в детинце, собора Иоанна Предтечи на Торгу (Иоанна на Опоках), собор Воскресенского монастыря и собор Рождества Богородицы Антониева монастыря. Крестообразная схема с указанием церквей относится к XII столетию. Соглашаясь с основной идеей протоиерея Л. Лебедева, все же стоит внести некоторые замечания.

Иеротопия средневекового города

Печатные материалы Международного симпозиума в научной редакции А. М. Лидова [Лидов 2009] освещают проблему изучения сакрального пространства, вводя термин «иеротопия». Иеротопия – пространственная икона, которую можно воссоздать в культурно-архитектурном ареале древнерусского города. Новгород – яркий пример сочетания храмовой архитектуры, сакрализации природного пространства и священнодействия юродивых Христа ради.

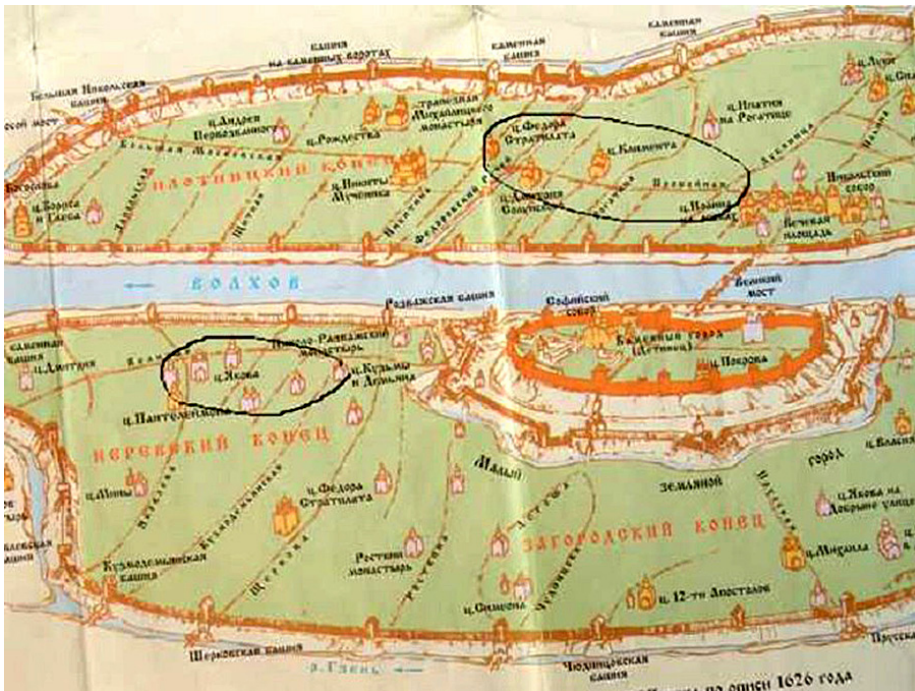
Крестово-центрическая схема Новгорода может включать в себя пары. Это Софийский собор – церковь Иоанна Предтечи на Опоках и близкая к ней по месту и времени постройки церковь Георгия на Торгу, а также соборы Воскресенского монастыря (на Мячине) – собор Рождества Богородицы Антониева монастыря. Река Волхов разделяет Софийскую и Торговую стороны, а ручьи Осоковец (Софийская сторона) и Тарасовец (Торговая сторона) вместе с земляными валами объединяют местность, попадающую в умозрительную крестово-концентрическую схему. Круговые линии охватывают городскую территорию, вертикальные линии связывают Софийскую и Торговую стороны, а горизонтальные концы креста указывают на монастырские храмы, находящиеся за пределами городской черты. Представленные в схеме храмы расположены на территории, называемую «шаговой зоной». Это важно для анализа предполагаемого «маршрута» следования святых юродивых. Они могли чаще посещать те храмы и церкви, которые были в досягаемости. Антониев и Воскресенский монастыри, как известно, не входили в пределы Окольного города. В Антониевом монастыре (1117) для схематического воспроизведения вертикали сопоставления важными являются церкви Рождества Богородицы (1117–1119) и Благовещения, в Воскресенском – церковь Благовещения на Мячине (1179). Вертикали в схеме, предложенной протоиереем Л. Лебедевым, связывают святую Софию и собор Иоанна Предтечи на Торгу. Более точное название этой церкви – церковь Иоанна Предтечи на Опоках. В ней Феодор Христа ради Юродивый часто молился, там же был и погребён. «Погребён святой блаженный Федор Новгородский 19 января 1393 г. по завещанию на Торговой стороне у церкви святого великомученика Георгия, на паперти которой святой часто молился по ночам. Новгородские купцы почитали память блаженного Феодора, считая его своим покровителем» [Миняев 1996, 144].

Территория Новгорода XII столетия характеризуется постройкой малых храмов, к которым относится и церковь Иоанна на Опоках (1127–1130), и церковь святого великомученика Георгия (1181). При церкви Ивана на Опоках действовал купеческий суд, занимавшийся разбором тяжб по торговым делам. Здесь хранились меры веса и длины [Бондаренко 2002, 17–34].

Мысль о посвящении храмов наиболее чтимым в данной местности святым [Лебедев 1995, 296] находит своё подтверждение в их наименовании. Например, церковь Иоанна на Опоках на Торговой стороне именована в честь почитаемого новгородцами Иоанна Предтечи. На Софийской стороне Новгорода существовала церковь святого Иакова на Яковлевой улице (1172–1175, 1226 гг.), а также церковь Пантелеимона (1206–1207 гг.). После кончины блаженного Николая 27 июля 1392 г. его тело было погребено, по завещанию святого, на краю кладбища, расположенного вокруг Иаковлевского храма, близ дороги. В 1554 г. на могиле святого был возведён каменный храм святого великомученика Пантелеимона. Святой Иаков – апостол; святой великомученик Пантелеимон – целитель. Впоследствии Пантелеимоновскую церковь переименовали в Николо-Кочановскую. Выстраивается логическая цепочка именных связей: Иаков – Пантелеимон – Николай Кочанов.

В Новгороде Софийская сторона отделена от Торговой рекой Волхов. «Перейти через реку» и для Николая Кочанова, и для блаженного Феодора означало нару-

шить пределы родной стороны, войти в «чужие» земли. Середина моста служила границей, которую ни тот, ни другой святой не смели нарушить. На мосту нередко были кровопролития враждовавших между собой сторон. Видимо, визуальным выражением этих распри и было вызывающее поведение двух святых. Блаженный Феодор «переходил Волховский мост», желая показаться своему современнику Николаю Кочанову и тем самым вызвать публичное осмеяние, негодование с его стороны: «блаженный Феодор от него бегаше, а святой Николай гоняше его точно до половины Волховского моста, до полумоста» [Николай Кочанов, 2 об]. Им подвластно хождение по воде, «аки посуху», как и самому Христу. Встреча юродивых, наделённых способностями духовного перемещения, могла состояться и при отсутствии переправы через реку. Мост – это лишь видимая преграда. В житийном тексте сообщается о мнимой вражде юродивых, ибо их главная цель заключалась в объединении людей. Значит, мост подразумевается как мысленное соединение двух городских ареалов.

Ил. 2. «Маршруты» Николая Кочанова на Софийской стороне и Феодора Блаженного на Торговой стороне г. Новгорода. Карта отображает Новгород XVI в.

Источник: Туминская 2012, 144.

На примере Новгорода можно рассмотреть принцип топографической иконоичности, присущий и другим древнерусским городам, в которых прославились юродивые Христа ради (Суздаль, Псков, Вологда, Великий Устюг). Все эти города расположены по берегам рек. Реки имеют в городской схеме структурирующее начало.

Тавматургия места – эонотопос

Следует отметить, что, по христианским традициям, дата смерти святого является временем его рождения на Небесах, поэтому дни празднования памяти усопшего – это дни его смерти, обретения или перенесения мощей. В церкви нет конечности времени, оно всебытно. Отсюда возникает понятие «эонотопос» [Лепяхин 2007, 149] как обозначение соединения вечного внеземного времени и реалистичного земного пространства. Эонотопос обнаруживает на земле следы существования святых, уже ушедших за пределы земного пространства и оттуда имеющих силу помогать людям. На этом основании можно говорить о тавматургии места. Отсюда такое внимание к местам смерти, воскрешения, явлений образа, отсюда почитание мощей святых угодников. Посмертная помощь юродивых верующим – обязательное условие канонизации святого, будь она предпринята органами духовной власти или чтится народом местно (как память святого Иакова Боровичского).

Топос принадлежит вечности, следовательно, выстроенная на священном месте церковь или устроенный придел в храме обозначают как место погребения святого, так и точку соприкосновения ныне живущих с всебытийностью и Божественной безграничностью. Если учесть, что место смерти святого обычно указано свыше, то становится понятным, что эта часть земного пространства безгранична, насыщена Божественной энергией и превращена в священный эонотопос.

Святые юродивые Христа ради при своей жизни меньше других привязаны были к какому-либо пространству земли. Их жизнь – сплошное кочевание, но по определённом маршруту. Излюбленными местами для творения подвига «буйства» были соборные и рыночные площади и многолюдные улицы. Для «буйства» во Христе, т. е. для одиночной самозабвенной молитвы, они избирали уединённые, часто труднопроходимые места и ночное время. В силу обстоятельств творившегося ими подвига храмы и церкви были для блаженных закрыты. Оставались лишь паперти. И потому так важны для исследования всевозможные упоминания о местах пребывания юродивых. Вероятнее всего, что похоронены святые в тех местах, где они могли возносить молитву.

Святой Михаил Клопский юродствовал при монастыре, за чертой города и погребён был в Троицкой церкви Клопского монастыря в 15 верстах от Новгорода. Каменное здание собора Пресвятой Троицы воздвигнуто было в 1641 г. У южной стены собора почивают перенесённые от старого места мощи блаженного Михаила.

О жизни Иакова Боровичского сохранилось очень мало сведений. Известно, что его мощи в нетленном гробу были обнаружены жителями села Боровичи Новгородской области у реки Мста. По всей вероятности, Иаков Боровичский подвизался на подвиг юродства в Новгородской земле. Найденные нетленные мощи, которые сплавлялись по быстротечной Мсте, послужили для местных жителей божественным предзнаменованием. С этого момента, как указывает В. Васильев [Васильев 1893, 193], началось изучение чудес от мощей Иакова, что привело к установлению ему празднования в день перенесения мощей 23 октября.

Ил. 3. Святой Николай Псковский. XVIII в. Псков, Троицкий собор
 Источник: <https://bogoslav-kubansobor.ru/ohridskij-prolog-28-february.php>

Арсений Новгородский – основатель Новгородского Арсеньева монастыря – не устрасился обличить царя Ивана Грозного в его жестокости. Царь смирился и просил благословения у святого угодника накануне похода на Псков. Вскоре после этой беседы Арсений Новгородский почил. «Он положен в созданном им монастыре, вне церкви Рождества Богоматери, на берегу Волхова, на том месте, где находился в затворе» [Словарь 1991, 37–38]. Впоследствии (в 1570 г.) его мощи были перенесены в церковь Рождества Богородицы Антониева монастыря.

Феодор часто молился на паперти церкви св. Георгия Победоносца на Торговой стороне и просил похоронить его «близ торжища», и потому почивали его мощи под спудом в церкви великомученика Георгия на Лубянице (1181). Каменная церковь Георгия была построена на месте более древней деревянной церкви того же имени в 1356 году «лубянцами», т. е. жителями Лубяницы – улицы, проходившей через Торг. Ныне существующая церковь святого Георгия относится не ранее чем к концу XVII – началу XVIII в. Только нижняя часть церкви сохранилась от постройки XIV столетия [Каргер 1980, 136]. Место, избранное Феодором Новгородским сначала для «буйства», а затем для своего умиротворения, было достаточно людным, т. к. рядом с Георгиевской церковью по сей день находится

церковь Иоанна на Опоках, которая для новгородцев в свое время была часто посещаемым местом не только по церковным, но и по бытовым делам. Редкое изображение иконы святого Феодора Новгородского опубликовано в статье Д. Б. Терешкиной [Терешкина 2021, 94].

В своём духовно завещании Николай Кочанов просил похоронить его на кладбище, на дороге, тем самым, с одной стороны, приближая себя к людям, для которых он и творил свой подвиг, а с другой стороны, исповедуя идею надругания над телом, восходя к образу Христа. Николай Кочанов похоронен на конце кладбища подле храма святого Иакова. Впоследствии там построили храм во имя великомученика Пантелеимона (1554): «Николая Кочанова мощи почивают под спудом в церкви великомученика святого Пантелеимона на Иаковлевской улице» [Николай Кочанов, 6]. В народном обиходе этот храм именовался церковью Николая Кочанова и пользовался особым почитанием Новгородских святителей, которые обязательно (по уставу Софийского собора) посещали его в четверг недели Мясопустной.

Святой Николай Салос Псковский (ил. 3) кочевал вокруг храма святой Троицы, на фоне этого собора он и изображён на иконе.

Выводы

Организм города – архитектура, а его внутренние системы – человеческие отношения. Город антропоморфен и социален в силу очеловечивания градостроительной среды и наделения природного ландшафта символикой святости. Сегодня возможно только предположить, почему юродивые так любили Новгородские земли. В житии Прокопия Устюжского, «первого настоящего русского юродивого», как назвал его Г. П. Федотов [Федотов 1994, 150], читаем, что Прокопий в Новгороде познал истинную веру в «церковном украшении, иконах, звоне и пении», а «великий и славный» город Устюг также избрал для жительства за «церковное украшение» [Прокопий 1893, 70]. Крепкие духовные связи с Великим Новгородом отмечаются у многих юродивых. И это не случайно. Новгород прославляется как колыбель прекрасного зодчества и великолепия; своими храмами он воспитывает живую душу славянина в божественности мыслей и богоугодности деяний. Эонотопос выстраивается здесь на основе соотношения «святой – тавматургия пространства» и даёт основание полагать наличие признаков сакрализации локуса, превращения его в коммеморацию чуда.

Библиография

- Бондаренко 2002 – Бондаренко И. А. Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы. Москва, 2002.
- Васильев 1893 – Васильев В. История канонизации русских святых. Москва, 1893.
- Голубинский 1881 – Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Москва, 1881.
- Жизнеописание 1992 – Жизнеописания святых русской церкви. Москва, 1992.
- Иванов 1994 – Иванов С. А. Византийское юродство. Москва, 1994.
- Каргер 1980 – Каргер М. К. Новгород. Ленинград, 1980.

- Ковалевский 1991 – *Ковалевский И., свящ.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. Исторический очерк и жития подвижников благочестия. Москва, 1991.
- Краснянский 1895 – *Краснянский Г. Д.* Краткие сведения в порядке месяцеслова о святых угодниках божиих и чудотворных иконах г. Новгорода, его окрестностей и всей вообще Новгородской епархии. Рига, 1895.
- Кушнир 1982 – *Кушнир И. И.* Архитектура Новгорода. Ленинград, 1982.
- Лебедев 1995 – *Лебедев Лев, прот.* Москва патриаршая. Москва, 1995.
- Лепяхин 2007 – *Лепяхин В. В.* Иконология и иконичность // Икона и образ, иконичность и словесность. Москва, 2007. С. 129–164.
- Лидов 2009 – Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное / Ред.-сост. А. М. Лидов. Москва, 2009.
- Миня 1996 – Миня служебная. Москва, 1996.
- Николай Кочанов – Житие святого блаженного Христа ради Юродивого Николая Кочанова Новгородского чудотворца // РНБ. Отдел рукописей. Собр. Тиханова. № 728. XIX в. Л. 2 (об) – 6.
- Орлов 1965 – *Орлов С. Н.* К топографии новгородских городских концов // Советская археология. 1965. № 2. С. 92–103.
- Прокопий 1893 – Житие преподобного Прокопия Устюжского. Санкт-Петербург, 1893.
- Словарь 1991 – Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых. Москва, 1991.
- Терешкина 2021 – *Терешкина Д. Б.* Новгородская житийная литература: текст и образ // Визуальная теология. 2021. № 1 (4). С. 85–104.
- Туминская 2012 – *Туминская О. А.* Юродивые Новгорода в священном пространстве своего города // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 146. С. 137–144.
- Федотов 1994 – *Федотов Г. П.* О святости, интеллигенции и большевизме: Избранные статьи. Санкт-Петербург, 1994.

References

- Biographies 1992 – Biographies of Saints of the Russian Church. Moscow, 1992. In Russian.
- Bondarenko 2002 – Bondarenko I. A. Ancient Russian Urban Planning: Traditions and Ideals. Moscow, 2002. In Russian.
- Dictionary 1991 – Historical Dictionary about Saints Glorified in the Russian Church, and about Some Ascetics of Piety, Locally Famous. Moscow, 1991. In Russian.
- Fedotov 1994 – Fedotov G. P. On Holiness, Intelligentsia and Bolshevism: Selected Articles. St. Petersburg, 1994. In Russian.
- Golubinsky 1881 – Golubinsky E. E. The History of the Canonization of Saints in the Russian Church. Moscow, 1881. In Russian.
- Ivanov 1994 – Ivanov S. A. Byzantine Foolishness. Moscow, 1994. In Russian.
- Karger 1980 – Karger M. K. Novgorod. Leningrad, 1980. In Russian.
- Kovalevsky 1991 – Kovalevsky I., priest. The Foolishness for Christ and Fools for Christ's Sake of the Eastern and Russian Churches. Historical Essay and Lives of the Ascetics of Piety. Moscow, 1991. In Russian.
- Krasnyansky 1895 – Krasnyansky G. D. Brief Information in the Order of the Month about the Saints of God and the Miraculous Icons of Novgorod, Its Environs and the Entire Novgorod Diocese in General. Riga, 1895. In Russian.

- Kushnir 1982 – Kushnir I. I. Architecture of Novgorod. Leningrad, 1982. In Russian.
- Lebedev 1995 – Lebedev L., archpriest. Patriarchal Moscow. Moscow, 1995. In Russian.
- Lepahin 2007 – Lepahin V. V. Iconology and Iconicity. *Icon and Image, Iconicity and Literature*. Moscow, 2007. Pp. 129–164. In Russian.
- Lidov 2009 – Spatial Icons. Textuality and Performativity. Ed. by A. M. Lidov. Moscow, 2009. In Russian.
- Menaion 1996 – Menaion for Church Service. Moscow, 1996. In Russian.
- Nikolai Kochanov – The Life of the Holy Blessed Fool for Christ's Sake Nikolai Kochanov, the Novgorod Wonderworker. *Russian National Library. Tikhonov's Collection*. No. 728. 19th Century. Sh. 2 (verso) – 6. In Russian.
- Orlov 1965 – Orlov S. N. On the Topography of the Novgorod City Ends. *Soviet Archaeology*. 1965. No. 2. Pp. 92–103. In Russian.
- Procopius 1893 – The Life of St. Procopius of Ustyug. St. Petersburg, 1893. In Russian.
- Tereshkina 2021 – Tereshkina D. B. Novgorod Hagiographic Literature: Text and Image. *Journal of Visual Theology*. 2021. 1 (4). Pp. 85–104. In Russian.
- Tuminskaya 2012 – Tuminskaya O. A. The Novgorod Wackies in the Sacred Space of the City. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2012. 146. Pp. 137–144. In Russian.
- Vasilyev 1893 – Vasilyev V. The History of the Canonization of Russian Saints. Moscow, 1893. In Russian.

Информация об авторе

Ольга Анатольевна Туминская

доктор искусствоведения

зав. сектором эстетического воспитания, методический отдел

Государственный Русский музей

Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0160-8299>

e-mail: olgmorgun@yandex.ru

Information about the author

Olga A. Tuminskaya

Dr. Sci. (Art History)

Section Head of Aesthetic Education, Methodological Department

The State Russian Museum

4, Inzhenernaya ul., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0160-8299>

e-mail: olgmorgun@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 06.05.2022

Принят к публикации / Accepted 02.06.2022